
Г.Н. Потанин¹

Воспоминания об И.А. Гончарове

Иван Александрович Гончаров происходил из старинного рода симбирских купцов. Видный дом отца Гончарова, каменный, двухэтажный, стоял на Большой улице; обстановка его была барская: большой зал с люстрой, нарядная гостиная с портретом хозяина и неизбежная диванная; на двор окнами — кабинет хозяина, спальня хозяйки и большая, светлая комната для детей. Иван Александрович говорит, что двор отца был загроможден постройками, да иначе и быть не могло: в нем жили две большие дворни — хозяйина и постояльца, бегали цесарки, павлины и т. п. Старый слуга Гончарова мне говорил, что у каждого дворового была еще своя потеха: кто держал голубей, кто собак, кто заводил ворона или ястреба — «значит, всякий по своему вкусу; а благородные птички, канареечки али соловушки, ну те уж там висели, в барских комнатах, потешали господ». Вот в какой благодати родился и жил Иван Александрович в первые годы младенчества. <...>

Отец Гончарова, Александр (Иванович), пользовался почетом в городе: его много раз выбирали городским головой. На портрете старик Гончаров изображен видным мужчиной, среднего роста, белокурым, с голубовато-серыми глазами и приятной улыбкой; лицо умное, серьезное, на шее медали. Мать Гончарова, Авдотья Матвеевна, умная и солидная женщина, обратила на себя внимание императора Александра Павловича, танцевавшего с нею на купеческом балу. Об этом счастливом времени старушка всегда с восторгом рассказывала детям и внукам и под веселый час, отпирая сундуки, показывала нам наряды старого времени. Семейство Александра (Ивановича) состояло из двух сыновей и двух дочерей; Иван Александрович был старшим сыном; младший брат его, Николай, впоследствии учитель русского языка и словесности в гимназии, был гуманным человеком. Сестры Гончарова — Александра, вышедшая потом замуж за ардатовского помещика Кирмалова, и Анна, ставшая женой оригинала доктора Музалевского. Нельзя не упомянуть о преданных слугах дома Гончаровых, о Никите и Софье.

Иван Александрович поразительно верно описал их в романе «Обыкновенная история» под именем слуги Адуева, Евсея, и ключницы Аграфены.

Иван Александрович родился, как известно, в 1812 году и жил семьдесят девять лет. Он рано лишился отца: ему было тогда три года. Но эту тяжелую потерю вполне заменил Гончарову крестный отец всех четырех детей, Николай Николаевич Трегубов, отставной моряк.

Николай Николаевич, постоялец в доме Гончарова, друг старика, был принят в семье как родной. Холостяк, он любил детей, которые, в свою очередь, были привязаны к нему искренно. По смерти Александра (Ивановича) Трегубов из флигеля перешел в дом; дети стали ближе, привыкли еще больше, и мало-помалу связи между крестным и детворой крепчали и приняли определенную форму отношений. Он был хорошим советником вдовы и руководителем детей. <...>

«У кумушки моей, — говорил он, — была четверка детей; мы разделили их поровну: ей парочку девчат, мне пару ребят. С пелен я принял их на себя и сам учил грамоте с аза. Коля и Ваня были умные детки, с головой. Только Коля был какой-то сонный: не поймешь, бывало, что с ним такое, — вечно рассеян; слушает — не слышит; скажешь что — не поймет; рассказывать начнет — переверет; так и махнешь рукой. Одно в нем было удивительно: огромная память. Сколько стихотворений он знал в детстве

¹ Г.Н. Потанин (1823–1910) — писатель, уроженец и житель Симбирска. В 1840-х был домашним учителем детей сестры И.А. Гончарова А.А. Кирмаловой.

и, представьте, все отлично декламировал. А Ваня мой не такой,— этот не заснет, нет! Этот был мальчик живой, огонь. Бывало, как начнешь рассказывать что-нибудь из моих скитаний по белу свету, так он, кажется, в глаза готов впрыгнуть, так внимательно все слушает, да еще надоедает: «Крестный, скажи еще». Так, бывало, и пройдет весь день с ним в болтовне. Лет шести, верно, я выучил его грамоте, а уж и не рад, как он начал читать. Вообразите, милый Гаврила Никитич, такой-то клопик заползает ко мне в библиотеку и торчит там до тех пор, пока насильно его вытащат есть или пить. Бывало, пойдешь полюбопытствовать, не заснул ли там мой сынок, — куда-с!.. Заглянешь в книжку к нему — точит какое-нибудь путешествие... и тут же начнет лепетать: живо расскажет, что ему особенно понравилось. Больше всего любил он морские путешествия: об них он всегда азартно мне рассказывал. Бывало, восторженный, бежит с Волги и кричит с улицы: «Крестный, я море видел! Ах, какая там большая, светлая вода прыгает на солнце! Какие большие корабли с парусами!» — «Какое море твоя Волга! Ты теперь понять еще не можешь, какое большое бывает море», — ответишь ему. Так что вы думаете? Он целый день после того покою мне не даст: скажи да скажи, какой длины море бывает!» <...> Николай Николаевич посоветовал матери Гончарова отдать сына за Волгу <...>, где был особенно оригинальный пансион, под фирмою: «для местных дворян». Пансион этот содержал местный поп и жена его, француженка или немка. Но к чести попа я должен прибавить, что почтенный протоиерей <...> Троицкий был весьма замечательный человек; он кончил курс в академии. <...> В доме Гончаровых протоиерей Троицкий был такая почетная личность, что его встречали как архиерея. В этом оригинальном пансионе Иван Александрович выучился французскому и немецкому языку, а главное — нашел у бабушки библиотеку и принялся опять читать усердно. В библиотеке бабушки было все: «Путешествие Кука» и «Сатиры» Нахимова, Паллас и «Саксонский разбойник», Ломоносов и «Бова-Королевич», Державин и «Еруслан Лазаревич», Фонвизин, Тассо и детские рассказы Беркена, Карамзин и «Мрачные подземелья» Ратклиф, история Ролленя и «Ключ к тайнам древней магии» Эккартсгаузена, по которому можно было даже вызывать чертей,— и все это было читано восьми-девятилетним Гончаровым. Можете себе представить, какую путаницу все это образовало в голове талантливого мальчика!

К счастью, это чтение продолжалось недолго: десятилетнего Гончарова крестный отец отвез в Москву и отдал в дельное заведение, как сказано в записках. Это дельное заведение — Московское коммерческое училище, куда и поступили оба брата Гончаровы, в младшее отделение. <...>

В 1830 году Гончаров хотел поступить в университет, но по случаю холеры университет был закрыт, и потому пришлось поступить позже. Курс университета продолжался тогда три года, и Гончаров кончил его блистательно. <...> Гончаров слушал известных профессоров: Снегирева, Шевырева, историка Погодина, словесника Давыдова.

<...>

Наконец сбылось ожидание Симбирска: «приехал!» Кто? Не спрашивай, все знают! Первые дни по приезде писателя в семье Гончаровых были проведены празднично. В эти праздничные дни не было даже уроков, и я с неделю к Гончаровым не ходил. Наконец настал и мой страшный день: представление гимназиста литератору. А я уж пронюхал, что Иван Александрович «отчаянный питерский фронт» и такой «щеголь», каких свет не производил. Так отозвалась о нем сама горничная Гончаровых Маша, а кому же верить, как не горничным: они подробнее всех рассматривают наряды молодых господ. <...>

<...> К счастью моему, в гостиной не было ничего страшного: Иван Александрович беседовал с гувернанткой, Варварой Лукиничной, и, должно быть, очень весело, потому что гувернантка хохотала чуть не до истерики. Передо мной предстал обыкновенный мужчина среднего роста, полный, бледный, с белыми руками, как фарфор; коротко стриженные волосы, голубовато-серые глаза, как на портрете отца, но улыбка не отцовская, насмешливая. Одет он был безукоризненно: визитка, серые брюки

с лампасами и прюнелевые ботинки с лакированным носком, одноглазка на резиновом шнурке и короткая цепь у часов, где мотались замысловатые брелоки того времени: ножичек, вилочка, окорок, бутылка и т. п. Петербургские франты того времени не носили длинных цепей на шее. Гончаров был подвижен, быстр в разговоре, поигрывал одноглазкой, цепочкой или разводил руками. <...>

В другой раз я видел Гончарова другим человеком, в третий — третьим, уже совсем не похожим на первого и второго, и чем больше в него всматривался, тем больше казался он мне непонятным и неуловимым: он по-петербургски мог в одно и то же время смеяться и плакать, шутить и важно говорить. <...>